

Е. Л. Конявская

**АВТОРСКОЕ
САМОСОЗНАНИЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО
КНИЖНИКА
(XI—середина XV в.)**

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
К 64

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор А. В. Чернец,
доцент Н. И. Либан

Е. А. Комянская

К 64 Авторское самосознание древнерусского книжника (XI—середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. — 199 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0168-4

Книга посвящена проблеме авторского самосознания древнерусского книжника. Определены принципы подхода к феномену авторского самосознания. С точки зрения проявления авторского самосознания рассмотрены памятники литературы Древней Руси XI—середины XV века, авторы которых известны.

Для литературоведов, медиевистов и всех интересующихся древнерусской литературой.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller CoEoS GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма CoEoS GAD.

© Е. А. Комянская, 2000

ISBN 5-7859-0168-4

9 785785 901681 >

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Светлой памяти
моего учителя профессора
Московского университета
Владимира Владимировича Кускова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этого исследования возник у меня много лет назад, еще в студенческие годы. Загадка древнерусского автора, который тщательно скрывает не только свое имя, но и свое субъективное, индивидуальное «я» — за традицией, жанровым каноном, — требовала своего «ключа».

Установившиеся представления о чуть ли не полном отсутствии авторского самосознания у древнерусских писателей были, по-видимому, препятствием для обращения ученых к этой проблеме. Проведенные же научные исследования «авторских» феноменов в древнерусской литературе имели своим непосредственным предметом творчество писателей более позднего времени — XVI века. Это, в первую очередь, работы Д. М. Буланнина и В. В. Калугина¹. Такое положение вполне объяснимо, ибо с конца XV века для Древней Руси начинается новая эпоха — и историческая, и культурная. Становящаяся нация требовала новой идеологии, отражающей сложившееся историческое и национальное самосознание. Публицистический пафос наполнял

---

¹ Буланнин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Незаданные тексты. Л., 1984. С. 13—123, *Он же* О некоторых принципах работы древнерусских книжников // ТОДРА. Л., 1984. Т. 37. С. 3—13, Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические загадки и литературная техника древнерусского писателя) М., 1998.

рассуждения не только о государственном устройстве, но и о творческих кредо, литературных пристрастиях. О слоге, жанре, литературе заговорили.

Проследить же формирование и развитие авторского самосознания в более ранний период — это попытка услышать молчащее. Хотя так ли молчалив древнерусский книжник до XVI века?

В первой главе книги, носящей теоретический характер, сформулированы основные принципы подхода к проблеме.

Для детального анализа авторского самосознания на материале конкретных памятников избран период XI—первой половины XIII века, который был основополагающим в истории литературного процесса Древней Руси. Именно в этот начальный период сформировалась ее жанровая структура, определились характерные черты, выделяющие ее из других литератур византийского культурного региона. Памятникам литературы этого времени посвящена вторая глава книги.

Рассмотреть развитие основных тенденций авторского самосознания, обнаруживших себя в ранний период, на наиболее показательных примерах литературы последующего периода — вплоть до середины XV века — стало задачей третьей главы.

Я искренне благодарна моим глубокоуважаемым рецензентам: доценту Н. И. Либану и доктору филологических наук профессору Л. В. Чернец; сотрудникам Отдела древнерусской литературы ИМЛИ РАН и членам Общества исследователей Древней Руси за ценные советы и замечания — в первую очередь, доктору филологических наук профессору А. С. Демину и доктору исторических наук В. А. Кучкину. Выражаю также искреннюю признательность за консультации и советы доктору филологических наук А. А. Волкову.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об авторском самосознании древнерусского книжника сопряжен с целым комплексом методологических, эстетических и даже терминологических проблем. На двух из них, самых существенных, необходимо остановиться уже во Введении.

Первая связана с устойчивым представлением об анонимности как одной из основных характеристик древнерусской литературы. Естественным следствием этого представления является положение о низком уровне авторского самосознания в литературе Древней Руси, которое утвердилось в современной науке достаточно прочно. Тем не менее, низким он является лишь относительно культур других исторических эпох, и сам по себе этот факт не отменяет необходимости исследования данного феномена.

Другая проблема связана с тем, что категории *авторского комплекса* зачастую трактуются в исследованиях по-разному, как и соотношение понятий «образ автора», «личность автора», «авторская позиция», «авторское начало».

Вычлняя из этого перечня авторское самосознание, в самом общем плане можно сказать, что речь идет о сознании книжника как писателя, т. е. об осознанности его целей и их качестве, эстетических принципах и идеалах, осознании своего

труда в рамках традиции и т. п. Сложность, однако, заключается в том, что в каждом конкретном случае этот феномен тесно переплетен с социальным статусом пишущего и его менталитетом, личным опытом, политическими установками, тем, как он хочет себя представить.

Очевидно, что авторское самосознание на ранних стадиях развития литературы имеет свои особенности. Во многом эти особенности и предопределяют подходы и акценты данного исследования. Так, например, неприкосновенность авторского текста (то есть, по сути, авторское право) в новой литературе естественна для менталитета писателя (хотя, безусловно, и здесь существуют проблемы атрибуции, текстологии и т. д.). Для средневековой же литературы этот вопрос оказывается крайне сложным и запутанным. Автор (а порой и переписчик, редактор) часто старается зафиксировать свое имя и, стало быть, своим авторством гордится. Но вместе с тем тот же автор предлагает всем «исправить» его писание, если что-то не так. И этот призыв, как показывает практика, зачастую не оставался не услышанным. И наоборот, для древнерусского книжника изначально ясно, для кого писать и зачем, а каждый писатель нового времени должен заново отвечать на этот вопрос.

Обращаясь к истории вопроса, надо отметить, что авторский комплекс рассматривался как в работах общетеоретического характера, так и в конкретных литературоведческих исследованиях.

Среди теоретических работ классическим исследованием «авторских» категорий (в том числе и в древнерусской литературе) являются работы В. В. Виноградова¹. В. В. Виноградов

---

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей М. 1961, Он же. Избранные труды. О языке художественной прозы М, 1980; Он же. О теории художественной речи М. 1971

оперирует термином «образ автора», с которым он связывает преимущественно индивидуальный авторский стиль, по словам В. Б. Катаева, категорию «речевой структуры литературно-художественного произведения»².

Обобщая и развивая теорию В. В. Виноградова, Ю. В. Рождественский сформулировал следующий постулат: «Образ автора — стилистико-семантическая конструкция — создается автором намеренно, наподобие роли актера в театре, обучение созданию образа автора происходит в русле соответствующей авторской традиции». И далее: «Между литературной личностью автора и образом автора художественного произведения существуют отношения, сходные с отношениями актера и характера в пьесе»³. В «Теории риторики» Ю. В. Рождественский связал «образ автора рукописного сочинения» с пафосом, свойственным тому или иному жанру⁴.

М. М. Бахтин фактически не признает «образ автора» как таковой (если только речь не идет о *рассказчике*). «Индивидуальность автора как творца, — писал ученый, — есть творческая индивидуальность особого внеэстетического порядка; это активная индивидуальность видения и оформления, а не видимая и не оформленная индивидуальность»⁵.

Таким образом, очевидно, что на сегодняшний день термин «образ автора» представляет собой расплывчатый и неопределенный феномен, который практически каждый исследователь наполняет своим содержанием. Против этого термина выступил А. А. Нестеренко⁶. Ученый пишет: «Понятия “авторская позиция” и “точка зрения автора” употребляется нами как синонимичные и обозначают художественное выражение авторского

---

² Катаев В. Б. К постановке проблемы образа автора / Филологические науки 1966 № 1 С. 39

³ Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию М., 1974 С. 156—157

⁴ См. Рождественский Ю. В. Теория риторики М., 1999 С. 172—173

⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М., 1986 С. 168

⁶ Нестеренко А. А. Авторское начало в эпическом произведении М., 1982

сознания в произведении. В этом смысле понятие "авторское начало" выполняет более широкую функцию категории, обозначающей степень "присутствия" — "отсутствия" автора в тексте произведения⁷. И далее: «Категория "образа автора" явно не охватывает всех "авторских" элементов произведения»⁸. Как полагает исследователь, «глубоко индивидуальная личность автора» вовсе не обязательно должна вырастать в «образ»⁹.

Нерешенность многих вопросов «авторского комплекса» подчеркивается и в работах В. Б. Катаева¹⁰.

В одной из последних работ по теории литературы — в «Теории литературы» В. Е. Хализева — термин «образ автора» определяется как «изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссером самого себя»¹¹.

Таким образом, очевидно, что «авторское самосознание» не равно «образу автора». С одной стороны, оно может проявиться и независимо от намерений автора, с другой — оно включает не все элементы мировоззрения пишущего, проявившиеся в тексте, а только те, которые касаются его представлений о себе как писателе и о своем труде.

Термин «авторское самосознание» употребил С. С. Аверинцев — применительно к античной литературе¹². Используется он и в главе «Автор» коллективной монографии «Введение в литературоведение»: «Авторское самосознание, — пишет В. В. Проzorov, — достигает апогея в эпоху расцвета романтического искусства, ориентированного на обостренное внимание к неповторимому и индивидуально-целостному в чело-

---

⁷ Там же С. 7

⁸ Там же С. 43.

⁹ Там же С. 52.

¹⁰ Катаев В. Б. К постановке проблемы образа автора С. 40

¹¹ Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С. 54. Хотя ученый пользуется применительно к эпосу и термином «образ повествователя».

¹² Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур Древнего мира. М., 1971. С. 220—224.

веке»¹⁵. Л. М. Баткин оперирует им при рассмотрении творчества Петрарки¹⁴.

Этот же термин использован И. С. Чичуровым при анализе византийских исторических произведений IV—IX веков¹⁵. В процессе анализа И. С. Чичуров выделяет основные элементы авторского самосознания: «вычленение себя» (называние своего имени), своей темы и обоснование ее важности, заявление о том, что данный автор в этой сфере достаточно компетентен. Наконец, пишет исследователь, «историк говорит о своем подходе к теме, определяя характер жанра в целом»¹⁶.

Сходные проблемы на материале ранней западноевропейской литературы исследует М. И. Стеблин-Каменский в своих работах «Миф» и «Мир саги»¹⁷. Он использует термин «типы авторства», понимая под ними, по сути, типы авторского самосознания.

Что же касается непосредственно материала древнерусской литературы, то по этому вопросу ученые XIX и XX столетий высказывались лишь эпизодически.

Наивный взгляд на авторское самосознание древнерусского книжника демонстрировал в работе «Древне-русский литератор» И. С. Некрасов, толкуя буквально авторские топосы. Он говорит, что древнерусский автор «был робок, постоянно извинялся»¹⁸. Анализируя высказывания о сборе материала, источниках того или иного текста, И. С. Некрасов делает вывод, что книжник Древней Руси «не владел еще мастерством изложения, записывал факты обрывочно»¹⁹.

Прозоров В В Автор // Введение в литературоведение М, 1999 С 13

¹⁴ *Баткин Л. М* Петрарка на острие собственного пера Авторское самосознание в письмах поэта М., 1995.

Чичуров И С К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв // *Античность и Византия* М, 1974 С 203—216

Там же С 204

Ст блин Каменский М. И Миф А. 1976, Он же Мир саги Становление литературы Л 1984

Некрасов И С Древне русский литератор // Беседы в обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете М, 1867 С 43

¹⁹ Там же С 42

На вопросах авторской позиции в исследовании древнерусских житий останавливался В.О.Ключевский, отмечая наличие «личного авторского элемента»²⁰ в том или ином агиографическом произведении.

О проявлении «авторского я» в произведениях древнерусской литературы говорил И. П. Еремин. Однако он подчеркивал, что «оценки и комментарии прямого отношения к самому способу изображения жизни обычно не имели»²¹. Тем не менее, как будет показано ниже, далеко не все «оценки и комментарии» носят такой, чисто содержательный, характер. Их анализ представляет несомненный интерес в исследовании авторского самосознания книжника.

В работах В. В. Виноградова вопросы автора и авторства рассматривались и в отношении древнерусской литературы. При этом очевидно, что не все утверждения общего характера оказались применимы к средневековой книжности. Касаясь древнерусской литературы, В. В. Виноградов подчеркивал «анонимность» и, вслед за М. И. Сухомлиновым²², «псевдонимность» древнерусской книжности. Псевдонимность, по словам самого же М. И. Сухомлинова, нужно в данном случае понимать более широко, чем принято в новой литературе. Ибо не автор древнерусского сочинения подписывался псевдонимом, а последующие переписчики и редакторы атрибутировали произведение в соответствии с авторитарностью менталитета человека Древней Руси. «Неизвестность подлинных имен авторов и желание определить эти имена более или менее удачными сообра-

---

²⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 55.

²¹ Еремин И. П. О художественности древнерусской литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., 1966. С. 248.

²² Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности // Исследования по древней русской литературе. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 85. № 1. СПб., 1908. С. 442—493.

жениями: вот две причины, объясняющие появление псевдонимов в нашей древней словесности»²³, — писал ученый. Вместе с тем, надо иметь в виду, что приписывания произведения авторитетному имени (М. И. Сухомятин называет в первую очередь Иоанна Златоуста и св. Кирилла) были характерны для учительской литературы: торжественных слов, проповедей и т. п., обычно включавшихся в сборники. Это особый слой книжности, наиболее далекий от беллетристики (т. е. собственно художественной литературы). Дидактическая цель, преобладающая в этих жанрах, диктует необходимость выступать от имени авторитета.

Так или иначе, В. В. Виноградов лишь ставит вопрос об авторстве в древнерусской литературе, считая, что он требует «отдельного конкретно-исторического исследования»²⁴.

Термином «образ автора» оперирует и Д. С. Лихачев, подчеркивая «жанровую природу» облика древнерусского книжника и «чувство авторства» в различных жанрах. Как и В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев говорил о необходимости исследований в этой области²⁵.

Большое значение изучению «авторской интенции» придает В. М. Живов. Ученый считает, что только прояснив для себя такую интенцию древнерусского писателя и исходя из нее, мы можем определять критерии и строить систему жанров литературы Древней Руси. «Можно предполагать, — пишет В. М. Живов, — что создавая текст, автор (переводчик, компилятор, редактор) вполне отчетливо представлял себе, какое место он должен занять в литературной системе... Только такая

---

²³ Там же. С. 444.

²⁴ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. С. 56.

²⁵ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы: Доклады советской делегации V Международного съезда славистов. София, сентябрь 1963. М., 1963. С. 60; Он же. Повтика литературы // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI—XVII века. М., 1996. С. 61.

реконструкция (а не извне наложенные схемы) адекватно описывает синхронное состояние литературы, особенности ее устройства и специфику развития»²⁶.

Вопросам, касающимся отдельных аспектов авторского самосознания древнерусских книжников, посвящен ряд работ Д. М. Буланина. Так, анонимность древнерусской литературы Д. М. Буланин называет «эстетической установкой древнерусских писателей»²⁷. Исследователь полагает, что «авторский голос» в представлении человека того времени неотделим «от божественного откровения»²⁸.

Конкретное исследование древнерусских памятников, авторы которых известны или, по крайней мере, названы, а тексты не подверглись радикальным переделкам, позволит прояснить природу древнерусского авторского самосознания, развеять, быть может, некоторые мифы и устоявшиеся стереотипы.

---

²⁶ Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Ricerche Slavistiche* 1995 Vol XLII S. 33

²⁷ Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских книжников / ТОДРА. Л. 1984. Т. 37. С. 6

²⁸ Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы Древней Руси XVIII век. Прова. СПб., 1995. Т. 5. С. 17

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМА АВТОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Проблема авторства в средневековой литературе рассматривалась наряду с другими эстетическими феноменами в работах по исторической поэтике. В частности, в последнее время вышло несколько коллективных монографий, посвященных этому разделу литературоведения¹.

В работе С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, П. А. Гринцера, А. В. Михайлова литературный процесс рассматривается как последовательная смена трех типов художественного сознания (мифопоэтического, традиционалистского и индивидуально-авторского), которые определяют трансформацию категорий поэтики «В каждом типе, в каждую эпоху складывается своя система таких категорий, с особым родом связей между ними, со специфическим содержанием, объемом, иерархией поэтологических понятий», — отмечается в статье. Такой подход дает возможность «правильно оценивать эту систему “изнутри”, учитывая ее собственные критерии, и тем самым адекватно представить историческое движение поэтики»².

Историческая поэтика. Итоги и перспектива изучения. М., 1986. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.

Однако на практике ученые рассматривают как единую литературную эпоху огромный временной промежуток (от древних литератур периода классики — до конца Средних веков), внутри которого формировались, развивались и уходили в прошлое весьма различные феномены. «Данная типология, — подчеркивает Л. В. Чернец, — фиксирует лишь самые глубокие, структурные изменения художественного мышления, оперируя огромными временными масштабами и в большой мере отвлекаясь от вариативности в рамках выделенных трех типов»³.

Древнерусская литература называется авторами статьи в числе «литератур второго поколения»⁴, однако весь анализ особенностей литературного процесса «традиционалистского художественного сознания» сосредоточен на материале античности и древних восточных литератур. Сами литературные феномены, которыми оперируют авторы работы, не характерны для древнерусской литературе. Приведу лишь один из многочисленных примеров: «Произведения прагматического характера (речи, трактаты, исторические сочинения) входят в круг литературы, только если они изложены стихами (ученый эпос в античности, в Индии) или стилистически отделанной прозой (античное судебное красноречие Демосфена и Цицерона; риторически отделанная история в античности; деловая проза Кассиодора и китайских стилистов, санскритский роман, строившийся по модели “украшенной” поэмы)»⁵. Нет нужды говорить, что у нас не было стихотворных трактатов и судебного красноречия, да и о «круге литературы» — в отличие от прочей книжности — мы только гадаем.

Отдельно выделяет Средневековье в системе исторической поэтики И. Ф. Волков⁶, который говорит о «средневековом

---

³ Чернец Л. В. Литературное произведение как художественное единство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М., 1999. С. 165.

⁴ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Грицц р П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики... С. 16.

Там же С. 18.

⁶ Волков И. Ф. Теория литературы. М., 1995. С. 170—173.

христианском универсализме» как художественной системе. Однако ученый рассматривает только общемировоззренческие аспекты этой системы, не касаясь вопросов авторского комплекса, жанра, поэтики.

Пять типов авторства выделяет М. И. Стеблин-Каменский: мифический, сказочный, эпический, скальдический и литературный. Исследователь проводит анализ в основном на материале западноевропейской литературы. Применим ли этот подход к специфике древнерусской литературы?

Литературный тип авторства, по М. И. Стеблину-Каменскому, присущ литературе нового времени; мифический и сказочный — архаическому фольклорному периоду. Соответственно, интерес для рассматриваемого феномена может представлять эпический и скальдический типы авторства.

Эпический тип распространяется исследователем не только на устный эпос, но и на письменную литературу Средневековья. Тем не менее, М. И. Стеблин-Каменский категорически отрицает осознанность эпического творчества: «эпический автор не осознает себя автором»⁷, — пишет исследователь. Такое полное отсутствие осознанности в акте создания словесного произведения все же не свойственно достаточно высокой книжной культуре Древней Руси, которая, к тому же, сформировала четкую оппозицию: «литература—фольклор», сказывающуюся на языковом и стилистическом уровне, наличии разных жанровых систем и т. д.

Что же касается скальдического типа, то о нем говорится как об «осознании себя творцом только формы»⁸ произведения, т. е. мастером. При этом ученый сразу ограничивает этот тип стихотворной формой, исключая, таким образом, из него древнерусскую литературу: «Этот тип авторства возможен

---

⁷ *Стеблин Каменский М. И. Миф А.*, 1976 С. 85

⁸ Там же С. 82—83